

Жун Хэн очень редко звонил Сун Юйань. Не то чтобы ему не хотелось. Он хотел видеть ее каждый день, хотел звонить ей каждый день, но не мог. Он не осмеливался сделать ни единого неверного шага, поэтому мог только медленно продвигаться вперед, как сейчас. Дождавшись Нового года, он наконец нашел повод набрать её номер.

Ранним утром в канун Нового года Сун Юйань была очень занята тем, что наряжала не только себя, но и Жун Тина.

Перед зеркалом от пола до потолка стояли два человека, похожие на один большой и один маленький красный конверт*.

П.р.: *красный конверт с деньгами, который часто раздают старейшины во время новогодних праздников, хотя его также раздают во время других праздников или особых торжеств.

На Сун Юйань был красный пуховик, Жун Тин был одет в том же стиле. Это было очень празднично, полностью в соответствии с темой Нового года.

— Привет. — Сун Юйань наблюдала за тем, как Жун Тин пишет куплеты, когда она ответила на телефонный звонок.

— Это я.

— Да, я знаю, здесь есть определитель номера.

Жун Хэн мгновение молчал, а затем сказал:

— С Новым годом.

— И тебя с Новым годом, — Сун Юйань была не из тех людей, которые позволяли атмосфере стать неловкой. — Гугу пишет куплеты. Мы разместим их позже.

Жизнерадостность в её тоне заставила его невольно приподнять уголки рта.

— Я видел его каллиграфию. Его почерк действительно превосходен.

— Он всегда говорит, что в живописи и каллиграфии тебе нет равных. — Сун Юйань тихо вздохнула. — Я собираюсь пойти к психологу, чтобы узнать, смогу ли я вылечить свою амнезию. Я проконсультировалась с врачом. Поскольку твоя амнезия, скорее всего, была вызвана повреждением мозга, ты также можешь пройти курс лечения.

Лицо Жун Хэна застыло, словно он не ожидал, что она упомянет об этом. Его взгляд был

напряжённым, но голос оставался нежным, как и всегда.

— Я уже прохожу лечение, но результаты не очень хорошие. Врач сказал, чтобы я не торопился. К тому же я принимаю лекарства.

— Почему я не слышала об этом... — Сун Юйань была несколько удивлена. — Похоже, в тот раз ты сильно пострадал. Мой папа сказал, что тебя несколько раз реанимировали. Честно говоря, тебе не нужно заставлять себя вспоминать.

— Тогда почему ты хочешь лечиться? Чтобы вспомнить? — спросил её Жун Хэн.

— Я чувствую, что должна. В конце концов, я должна была остаться в древности на долгое время. Я не могу быть глупой или невежественной и вести себя так, будто этого периода времени не существовало.

— Я тоже так думаю. Мне всегда кажется, что я забыл каких-то важных людей, важные вещи. Через некоторое время я планирую поехать за границу. Я слышал, что за пределами страны есть отличные врачи. Однако я хочу кое о чём тебя спросить.

— О чём же?

Выражение лица Жун Хэна было напряжённым.

— Если в дальнейшем мы восстановим наши воспоминания и ты узнаешь, что я был ужасным человеком, или что я причинил тебе боль, ты запретишь мне видеться с... Жун Тином?

Это был несколько сложный вопрос.

Сун Юйань бросила взгляд на Жун Тина, усердно выводящего символы чернилами, и, на мгновение задумавшись, дала честный ответ:

— Я бы не стала.

— Правда?

— Несмотря ни на что, ты его отец. Если он хочет видеть тебя, а ты — его, я не буду этому препятствовать. В наше время, когда пары разводятся, никто не мешает другой стороне видеться с детьми. Иначе закон привлёк бы их к ответственности.

Разводятся...

Жун Хэн внезапно понял, что она имела в виду.

Она просто относилась к их отношениям как к бывшим, уже разведённым мужу и жене.

Сун Юйань размышляла об этой проблеме. На основании её знаний о прочитанных ей в молодости исторических романах тот факт, что она смогла сесть на трон императрицы и родить ребенка, будущего наследного принца, говорил о том, что её положение в гареме было не слишком несчастным. Самый жалкий сюжет, который она могла придумать, — это то, что император использовал её для отвода глаз, хотя на самом деле в сердце императора был белый лунный свет*, и он благоволил к ней только для того, чтобы защитить этот белый лунный свет... Самым душераздирающим сюжетом был заговор, в котором император боялся недолюбимого им генерала, чьи заслуги затмевали достижения хозяина, и в итоге стал причиной смерти её старшего брата...

П.р.: *имеет такой же оттенок, как и первая любовь. Ваш белый лунный свет – это тот, кого вы жаждали, но так и не смогли обрести по тем или иным причинам. Взято из одного из произведений Чжан Айлин о двух типах женщин в сердцах мужчин.

Если у Жун Хэна был белый лунный свет, а она была мишенью, то после долгих размышлений ей было всё равно. В конце концов, сейчас он ей не нравился.

Если он стал причиной смерти её старшего брата... Она считала это слишком маловероятным, потому что, судя по словам Жун Тина, император был мудрым правителем. Но также трудно было сказать, не воспринимал ли Жун Тин своего отца-императора через розовые очки!

Пока Сун Юйань размышляла, Жун Хэн слегка рассмеялся.

— Тогда я сначала извинюсь перед тобой. Независимо от того, что я сделал в прошлом, я должен попросить у тебя прощения.

— Ты ничего не помнишь, так зачем тебе извиняться?

Тон Жун Хэна внезапно стал удручённым.

— Боюсь, что у меня не будет возможности извиниться перед тобой в будущем.

Сун Юйань великодушно промолвила:

— Пока между нами нет кровной вражды, я приму твои извинения.

— Спасибо тебе.

На третий день Нового года Сун Юйань снова посетила народную больницу.

Это было связано не с её амнезией, а с её дедушкой, дедушкой Суном, помещённым в больницу. У дедушки Суна наблюдалось высокое давление, и на этот раз оно не упало, а поднялось почти до двухсот. Испугавшись, семья поспешила отправить его в больницу. Люди в возрасте дедушки Суна больше всего опасались кровоизлияния в мозг. Когда он прибыл в больницу, ему пришлось пройти огромное количество обследований, и только после использования своих связей им удалось найти койку в стационаре. Сун Юйань хотела взять с собой Жун Тина, чтобы навестить дедушку Суна, но её остановила Чэнь Линьцзин.

До сих пор в семье Сун многие люди считали, что Жун Тин был незаконнорожденным сыном Сун Хайпина.

Сун Хайпин не хотел объясняться. Иначе как они должны были это сделать? Сун Юйань тоже не знала, как. Перед родителями у неё не было секретов, но к другим людям она относилась совсем иначе. Если бы новость просочилась, разве это не обернулось бы плохой ситуацией для Жун Тина? В конце концов, было странно, что человек из древности переместился в современность. Это могло привлечь внимание соответствующих сторон.

Дедушке Суну очень нравилась Чэнь Линьцзин, его бывшая невестка. В прошлом, узнав об измене сына, он достал ремень и жестоко избил Сун Хайпина, из-за чего тот пролежал в постели полмесяца. По словам дедушки Суна, семья Сун была такой благочестивой, как же они могли обнародовать это крысиное дерьмо?

Если бы Сун Юйань привела Жун Тина к старейшине, тот, скорее всего, умер бы от гнева.

Поэтому, поскольку старейшина был уже в возрасте и хотел, чтобы кто-то составил ему компанию, а Сун Юйань считалась относительно незанятой среди своих кузенов, только она могла остаться с ним.

Как только Сун Юйань прибыла в больницу, она обнаружила, что врачом её дедушки был доктор Мэн.

Доктора звали Мэн Цзинъянь.

Дедушка Сун был полон похвал в адрес Мэн Цзинъяня и даже начал расспрашивать о личной жизни доктора Мэна. Всего за два-три дня старейшина успел расспросить о том, где живет доктор Мэн, сколько человек в его семье и какова профессия его родителей.

На самом деле, когда Сун Юйань принесла сегодня похлебку, старец загадочно хихикнул, притянув её к себе, чтобы прошептать:

— Юйаньюйань, дедушка говорил тебе, что нет такого дня, как сегодня*. Этот доктор Мэн очень хорош – он холост, и в этом году ему исполняется тридцать лет! Он молод, и его будущее безгранично. Дедушка наблюдал за ним, и он отличный человек. Он очень терпелив с нами, стариками, у него хороший характер, а его зарплата... Дедушка пока не успел спросить, но это не страшно. Наша семья не испытывает недостатка в деньгах!

П.р.: *означает «воспользуйтесь шансом сейчас, потому что в будущем его уже не будет».

Сун Юйань была ошарашена.

— Дедушка, что ты делаешь? Ты здесь для госпитализации!

— Если дедушка сможет решить твои проблемы, находясь в больнице, то дедушка получит выгоду от этой госпитализации. — Старейшина был гением логики. — Юйаньюйань, дедушка говорит тебе, что, когда ты ищешь партнера, всё остальное вторично – характер и темперамент должны быть хорошими, а этот доктор Мэн именно такой.

У Мэн Цзинъяня был превосходный характер. Во время обхода старейшина сказал ему:

— Доктор Мэн, моя внучка не знает, как добраться до кафетерия. Если вам удобно, не могли бы вы отвести её туда?

Сун Юйань чувствовала, что просьба её дедушки была немного неуместной.

Но доктор Мэн кивнул с улыбкой.

— Всё в порядке.

После того как Сун Юйань беспомощно последовала за доктором Мэном за дверь со своей коробкой с обедом, старец с гордостью похвастался пожилой даме на соседней койке.

— Видите, доктор Мэн должен быть внуком моей семьи, не пытайтесь увести его. В любом случае ваша внучка не так красива, как Юйаньюйань из моей семьи.

Этот старик столько лет путешествовал по миру. Это было чудо, что на него до сих пор не набросилась толпа.

У Сун Юйань и доктора Мэна не было общих тем для разговора. Мужчина был настоящим джентльменом. Он отвел её в кафетерий и даже одолжил ей свою карточку на питание, но Сун Юйань не осмелилась взять её.

Доктор Мэн был одет в белый халат, и у него были элегантные манеры. Одно его появление в кафетерии привлекло внимание многих людей.

Сегодня Жун Тин не последовал за Чэнь Линьцзин. Он не любил еду из ресторанов, поэтому Чэнь Линьцзин ничего не оставалось, как купить овощи и приготовить еду для внука.

Когда Жун Тин закончил есть, у Чэнь Линьцзин в последнюю минуту обнаружилось приглашение на званый ужин, и ей пришлось уйти. Дома остался только Жун Тин, но ему очень нравилось чувствовать себя как дома.

Читать книгу, есть мягкие конфеты, пить якульт* и есть вымытую клубнику на кофейном столике – это было наивысшим наслаждением.

П.р.: *японский подслащенный пробиотический молочный напиток.

Пока он был погружён в чтение, на его iPad появился запрос на видеочат. Он нажал на него и увидел, что это звонок от императора-отца. Не смея оставаться в лежачем положении, он тут же сел прямо. Он запихнул все Якульты и закуски в ящик журнального столика, а затем подключился к звонку.

Жун Тин больше не называл Жун Хэна императором-отцом, и он также действовал в зависимости от ситуации. В данный момент он не знал, есть ли кто-то ещё рядом с Жун Хэном, поэтому он мог только вежливо называть его дядей.

Жун Хэн сидел в гостиной, и содержание разговора между отцом и сыном было однообразным...

— Ты уже поел?

— Да.

— Ты сегодня занимался каллиграфией?

— Целый час.

— Ты читал книгу?

— Полчаса.

Жун Хэн долгое время готовился и, наконец, спросил:

— А твоя мама?

— Она отправилась в больницу, чтобы сопровождать прадедушку.

— Что случилось? Болезнь? — обеспокоенно спросил Жун Хэн.

Жун Тин ещё не привык к такому типу отца-императора, но всё равно честно ответил:

— Прадедушка болен и находится в больнице. Последние несколько дней императрица-мать ездила в больницу утром, чтобы сопровождать его, а затем возвращалась после обеда.

— Я приеду как-нибудь в ближайшие несколько дней. Есть что-нибудь, чего ты хочешь?

— Ничего, — Жун Тин помолчал, а затем нерешительно спросил: — Отец-император, когда ты приедешь навестить меня?

— Я позвоню тебе и твоей маме, прежде чем приехать.

Ни отец, ни сын не хотели продолжать неловкую беседу. Повесив трубку, Жун Тин вернулся в свою комнату и открыл ящик прикроватной тумбочки. Внутри лежал нефритовый кулон, который он взял из секретной комнаты отца-императора. Он постоянно ощущал, что император-отец не потерял свои воспоминания. Стоило ли ему попробовать прощупать почву?